

ЖЮЛЬ ВЕРН

ТАЛАНТЛИВІЙ

ОСТРОВ

Во времена гражданской войны в США пятеро смельчаков-северян спасаются от плена на воздушном шаре. Страшная буря выбрасывает их на берег необитаемого острова. Отвага и таланты новых поселенцев острова помогают им обустроить свою жизнь, не испытывая нужды ни в еде, ни в одежде, ни в тепле и уюте. Мирное пребывание «робинзонов» на острове нарушает угроза нападения пиратов, но какая-то таинственная сила помогает им в самых сложных ситуациях.

В книге присутствуют 129 иллюстраций.

- [Жюль Верн](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
    - [ГЛАВА IV](#)
    - [ГЛАВА V](#)
    - [ГЛАВА VI](#)
    - [ГЛАВА VII](#)
    - [ГЛАВА VIII](#)
    - [ГЛАВА IX](#)
    - [ГЛАВА X](#)
    - [ГЛАВА XI](#)
    - [ГЛАВА XII](#)
    - [ГЛАВА XIII](#)
    - [ГЛАВА XIV](#)
    - [ГЛАВА XV](#)
    - [ГЛАВА XVI](#)
    - [ГЛАВА XVII](#)
    - [ГЛАВА XVIII](#)
    - [ГЛАВА XIX](#)
    - [ГЛАВА XX](#)
    - [ГЛАВА XXI](#)
    - [ГЛАВА XXII](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
    - [ГЛАВА IV](#)
    - [ГЛАВА V](#)
    - [ГЛАВА VI](#)
    - [ГЛАВА VII](#)
    - [ГЛАВА VIII](#)
    - [ГЛАВА IX](#)
    - [ГЛАВА X](#)

- [ГЛАВА XI](#)
- [ГЛАВА XII](#)
- [ГЛАВА XIII](#)
- [ГЛАВА XIV](#)
- [ГЛАВА XV](#)
- [ГЛАВА XVI](#)
- [ГЛАВА XVII](#)
- [ГЛАВА XVIII](#)
- [ГЛАВА XIX](#)
- [ГЛАВА XX](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
  - [ГЛАВА I](#)
  - [ГЛАВА II](#)
  - [ГЛАВА III](#)
  - [ГЛАВА IV](#)
  - [ГЛАВА V](#)
  - [ГЛАВА VI](#)
  - [ГЛАВА VII](#)
  - [ГЛАВА VIII](#)
  - [ГЛАВА IX](#)
  - [ГЛАВА X](#)
  - [ГЛАВА XI](#)
  - [ГЛАВА XII](#)
  - [ГЛАВА XIII](#)
  - [ГЛАВА XIV](#)
  - [ГЛАВА XV](#)
  - [ГЛАВА XVI](#)
  - [ГЛАВА XVII](#)
  - [ГЛАВА XVIII](#)
  - [ГЛАВА XIX](#)
  - [ГЛАВА XX](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
-

Жюль Верн
Таинственный остров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ

*Ураган 1865 года. – Крики в воздухе. – Смерч уносит воздушный шар. – Оболочка лопаётся. –
Кругом вода. – Пять пассажиров. – Что происходит в корзине. – Земля на горизонте. –
Развязка.*

- Мы поднимаемся?
- Нет! Напротив! Мы опускаемся!
- Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!
- Выбросить балласт!
- Последний мешок только что опорожнен!
- Поднимается ли шар?
- Нет!
- Я как будто слышу плеск волн!
- Корзина – над водой!
- До моря не больше пятисот футов^[1]!

В воздухе раздался властный голос:

- Все тяжелое за борт! Все!...

Эти слова слышались над безбрежной пустыней Тихого океана 23 марта 1865 года, около четырех часов дня.

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в этом году во время равноденствия. Барометр упал до 710 миллиметров. Страшный норд-ост дул, не утихая, с 18 по 26 марта. Он произвел невиданные опустошения в Америке, Европе и Азии, на территории в тысячу восемьсот миль – между тридцать пятой параллелью северной широты до сороковой южной параллели.

Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошенные нахлынувшими горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разоренные смерчем, все сметавшим на своем пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощенных водой, – вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Он произвел больше опустошений, чем бури, уничтожившие Гавану и Гваделупу 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

В то самое время, когда на суше и на воде происходило столько ужасных бедствий, в воздухе разыгрывалась не менее страшная драма.

Аэростат, уносимый смерчем, вертелся в бешеном вихре, словно маленький шарик. Непрестанно крутясь в воздушном водовороте, он несся вперед со скоростью девяноста миль^[2] в час.

Под нижней частью шара качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми в густых, пропитанных водяной пылью облаках, нависших над самым океаном.

Откуда взялся этот шар – беспомощная игрушка страшной бури? В какой точке земли поднялся он на воздух? Он не мог, разумеется, пуститься в путь во время урагана. А ураган длился уже пятый день. Значит, шар примчался откуда-то издалека. Ведь в сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Во всяком случае, его пассажиры не имели возможности определить пройденное ими расстояние. Им не на что было ориентироваться. Это покажется удивительным, но они даже не чувствовали уносившего их страшного ветра. Перемещаясь и кружась в воздухе, они не ощущали

вращения и движения вперед. Их взгляды не могли пронизать густого тумана, обволакивавшего корзину. Все вокруг было окутано облаками, такими плотными, что трудно было сказать, ночь ли сейчас или день. Ни луч света, ни шум населенного города, ни рев океана не достигали ушей воздухоплателей, пока они держались на большой высоте. Лишь быстрый спуск открыл аэронавтам, какой опасности они подвергаются.

Воздушный шар, освободившись от тяжелых предметов – снаряжения, оружия и провизии – вновь поднялся в верхние слои атмосферы, достигнув высоты в четыре с половиной тысячи футов. Пассажиры его, услышав под собою плеск волн, решили, что наверху безопасней, чем внизу, и, не колеблясь, сбросили за борт даже самые необходимые вещи, всячески стараясь сберечь каждую частичку газа летательного снаряда, поддерживающего их над бездной.

Прошла ночь, полная тревог; она могла бы сломить людей, более слабых духом. И, когда снова настал день, ураган как будто начал стихать. С утра 24 марта появились признаки успокоения. На заре облака, уже более редкие, поднялись выше. Через несколько часов смерч совсем утих. Ветер из бурного сделался «очень свежим», и скорость перемещения воздушных потоков уменьшилась вдвое. Это все еще был «бриз на три рифа», как говорят моряки, но все-таки погода стала гораздо лучше. К одиннадцати часам нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Воздух был пропитан прозрачной сыростью, которую чувствуешь и даже видишь после сильных бурь. Ураган, видимо, не распространился дальше на запад. Он как будто сам себя уничтожил. Может быть, после прохождения смерча он рассеялся в электрических разрядах, подобно тайфунам в Индийском океане. Но к этому времени стало заметно, что аэростат снова медленно и непрерывно опускается. Газ мало-помалу уходил, и оболочка шара удлинялась и растягивалась, приобретая яйцевидную форму.

Около полудня шар находился на высоте всего лишь двух тысяч футов над водой. Он имел объем пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости мог долго держаться в воздухе, либо поднимаясь вверх, либо перемещаясь в горизонтальном направлении.

Чтобы облегчить корзину, пассажиры ее выбросили за борт последние запасы провизии и даже мелкие вещи, находившиеся у них в карманах.

Один из воздухоплателей, взобравшись на обруч, к которому были прикреплены концы сетки, старался, как можно крепче связать нижний выпускной клапан шара.

Становилось ясно, что шар больше нельзя удержать в верхних слоях воздуха. Газ уходил!

Итак, аэронавты должны были погибнуть...

Если бы они находились над материком или хотя бы над островом! Но вокруг не было видно ни клочка земли, ни одной мели, на которой можно было бы укрепить якорь.

Под ними расстилался безбрежный океан, где все еще бушевали огромные волны. На сорок миль в окружности не было видно границ водной пустыни, даже с высоты, на которой они находились. Беспощадно подстегиваемые ураганом, волны в какой-то дикой скачке неслись друг за другом, покрытые белыми гребешками. Ни полосы земли в виду, ни корабля... Итак, нужно было, во что бы то ни стало приостановить снижение, чтобы аэростат не упал в воду. Этой цели, по-видимому, и стремились достигнуть пассажиры корзины. Но, несмотря на все их усилия, шар непрерывно опускался, продолжая в то же время стремительно нестись по направлению ветра, – то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных воздухоплателей было катастрофическое. Аэростат, очевидно, не подчинялся более их воле. Попытки замедлить его падение были обречены на неудачу. Оболочка шара все более и более опадала. Утечку газа нельзя было задержать никакими средствами. Шар опускался все быстрее и быстрее, и в час дня между корзиной и водяной поверхностью оставалось не более шестисот футов. Водород свободно уходил в отверстие оболочки шара.

Освободив корзину от ее содержимого, воздухоплателям удалось несколько продлить свое

пребывание в воздухе. Но это означало лишь отсрочку неминуемой катастрофы. Если до наступления ночи земля не появится, пассажиры, аэростат и корзина навеки исчезнут в волнах океана.

Оставался один способ спасения, и воздухоплаватели воспользовались им. Это, видимо, были энергичные люди, умевшие смотреть смерти в лицо. Ни одной жалобы на судьбу не сорвалось с их губ. Они решили бороться до последней секунды, сделать все возможное, чтобы задержать падение аэростата. Его корзина представляла собой нечто вроде ящика из ивовых прутьев и была неспособна держаться на волнах. В случае падения она неминуемо должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился на высоте каких-нибудь четырехсот футов.

И в эту минуту раздался мужественный голос человека.

Ему отвечали не менее решительные голоса.

– Все ли выброшено?

– Нет. Остались еще деньги – десять тысяч франков золотом.

Тяжелый мешок тотчас же полетел в воду.

– Поднимается ли шар?

– Да, немного, но он сейчас же снова опустится!

– Можно еще что-нибудь выбросить?

– Ничего.

– Можно. Корзину! Уцепимся за веревки! В воду корзину!

В самом деле, это было последнее средство облегчить шар.

Канаты, прикрепляющие корзину к шару, были перерезаны, и аэростат поднялся на две тысячи футов. Пассажиры забрались в сеть, окружающую оболочку, и, держась за веревки, смотрели в бездну.

Известно, как чувствительны воздушные шары ко всякому изменению нагрузки. Достаточно выбросить из корзины самый легкий предмет, чтобы шар тотчас же переместился по вертикали. Аэростат, плавающий в воздухе, ведет себя с математической точностью. Понятно поэтому, что если облегчить его от значительной тяжести, он быстро и внезапно поднимется. Это и произошло в данном случае.

Но, покачавшись, некоторое время в верхних слоях воздуха, шар снова начал опускаться. Газ продолжал уходить в отверстие оболочки, которое невозможно было закрыть.

Воздухоплаватели сделали все, что было в их силах. Ничто уже не могло их спасти. Им оставалось рассчитывать только на чудо.

В четыре часа шар был на высоте всего лишь пятисот футов. Внезапно раздался звонкий лай.

Воздухоплавателям сопутствовала собака. Она вцепилась в петли сетки.

– Топ что-то увидел! – закричал один из аэронавтов.

И сейчас же другой громко крикнул:

– Земля! Земля!

Воздушный шар, который все время несся на юго-запад, покрыл с утра расстояние во много сотен миль, и на горизонте действительно появилась гористая полоса земли. Но до этой земли оставалось еще миль тридцать. Чтобы достигнуть ее, если шар не отнесет в сторону, нужно лететь, по крайней мере, час. Целый час!... А вдруг шар в это время потеряет весь оставшийся в оболочке водород?

В этом был весь ужас положения – Воздухоплаватели ясно видели берег, которого надо достигнуть, во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк; им не было даже известно, в какую часть света занесло их бурей. Но до этой земли, обитаема она или нет,

гостеприимна или сурова, необходимо еще добратся!

Однако скоро стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он летел над самой водой. Высокие волны уже не раз захлестывали сетку, увеличивая этим ее тяжесть. Шар накренился набок, точно птица с подстреленным крылом. Полчаса спустя шар находился на расстоянии не больше мили от земли. Опустошенный, обвисший, растянутый, весь в крупных складках, он сохранил лишь немного газа в верхней части оболочки.

Пассажиры, цеплявшиеся за сетку, стали для него слишком тяжелы и вскоре, очутившись по пояс в воде, должны были бороться с бушующими волнами. Оболочка шара легла на воду и, раздувшись, как парус, поплыла вперед, подгоняемая ветром. Быть может, она достигнет берега!

До земли оставалось всего два кабельтовых^[3], когда раздался страшный крик, вырвавшийся одновременно как бы из одной груди. В шар, которому, казалось, уже не суждено было подняться, ударила огромная волна, и он сделал неожиданный прыжок вверх. словно еще более облегченный от груза, аэростат поднялся на тысячу пятьсот футов и, попав в боковой воздушный поток, полетел не прямо к земле, а почти параллельно ей... Две минуты спустя он приблизился к этой полоске суши и упал на песчаный берег. Волны не могли уже его достать. Пассажиры шара, помогая друг другу, с трудом высвободились из веревочной сети. Облегченный шар снова подхватило ветром, и он исчез вдали, словно раненая птица, к которой на мгновение вернулась жизнь.

В корзине были пять пассажиров и собака. А на берегу оказалось только четыре человека. Их пятого спутника, видимо, унесла волна, обрушившаяся на сетку шара. Это и позволило облегченному аэростату в последний раз подняться на воздух и несколько мгновений спустя достигнуть земли. Едва четверо потерпевших крушение – а их вполне можно так назвать – почувствовали под ногами твердую землю, как тотчас же закричали, думая об отсутствующем товарище:

– Быть может, он попытается достигнуть берега вплавь! Спасем его! Спасем его!

Эпизод из гражданской войны в Америке. – Инженер Сайрес Смит. – Гедеон Спилет. – Негр Наб. – Моряк Пенкроф. – Юноша Герберт. – Неожиданное предложение. – Свидание в десять часов вечера. – Отъезд в бурю.

Люди, выброшенные на берег, не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым при исключительных обстоятельствах удалось бежать. Сто раз они могли погибнуть. Сто раз их поврежденный воздушный шар мог оказаться с ними в море. Но их ждала необыкновенная судьба. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта^[4], они находились теперь в семи тысячах миль от этого города, столицы штата Виргиния, главной крепости южан^[5] во время страшной междоусобной войны. Они пробыли в воздухе пять дней. Побег этих пленников, побег, которому суждено было закончиться уже известной нам катастрофой, произошел при следующих любопытных обстоятельствах.

В феврале 1865 года, во время одной из смелых, но неудачных попыток генерала Гранта захватить Ричмонд, несколько его офицеров попали в руки неприятеля и оказались пленниками в городе. Одним из наиболее выдающихся среди них был инженер по имени Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, был и первоклассным ученым. Правительство Соединенных Штатов поручило ему во время войны управление железными дорогами.

Это был худой, костлявый и сухопарый человек, с коротко остриженными сидящими волосами и густыми усами. Ему было около сорока пяти лет. Его характерная голова со сверкающими глазами и редко улыбающимся ртом – голова ученого и практика – напоминала изображение на древней медали или монете.

Сайрес Смит был одним из тех инженеров, которые в начале своей карьеры сами работали киркой или молотом, подобно генералам, начавшим военную службу рядовыми. Наряду с изобретательным умом он обладал и ловкими руками; мускулы его отличались редкой неутомимостью. Человек мысли и действия, он работал без напряжения, полный жизненной силы и неослабной настойчивости, не отступающей ни перед чем. Образованный, практичный, как говорится, «оборотистый», Сайрес Смит при любых обстоятельствах всегда владел собой.

Вдобавок ко всему, Сайрес Смит был храбр. В междоусобной войне он участвовал во всех битвах. Начав службу под начальством генерала Гранта, он сражался в числе волонтеров от штата Иллинойс при Падуке, Бельмонте, Питтсбург-Лэндинге, участвовал в осаде Коринфа, в битве при Порт-Гибсоне, при Блэк-Ривер, при Чаттануге, при Уилдернессе и в бою на реке Потомак. Он походил на своего генерала, который говорил: «Я никогда не считаю своих убитых».

Сотни раз мог бы Сайрес Смит оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант. Но, хотя он не щадил себя, судьба неизменно ему покровительствовала – до того дня, когда он был ранен и взят в плен в битве под Ричмондом.

В один день и час с Сайресом Смитом попал в руки южан и другой северянин. Это был не кто иной, как почтенный Гедеон Спилет, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», которому было поручено сопровождать Северную армию и давать сообщения о ходе войны. Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе английских и американских журналистов, которые ни перед чем не отступают, когда хотят получить точные сведения и в кратчайший срок сообщить их своей редакции. Этот человек отличался незаурядными достоинствами: решительный, энергичный, готовый ко всему, всегда находчивый, побывавший

езде и всюду, солдат и художник одновременно. Он всегда мог дать хороший совет, не знал колебаний, не считался с опасностью, трудами и усталостью, когда предстояла возможность узнать что-нибудь новое – сначала для себя, а потом для своей газеты.

Неутомимый охотник за неизвестными, не опубликованными еще новостями, способный на невозможное, он был одним из тех неустрашимых наблюдателей, которые могут писать под градом пуль, набрасывая заметки среди рвущихся снарядов. Всякая опасность была ему желанной.

Как и Сайрес Смит, Геден Спилет не пропустил ни одной битвы и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом – в другой. Карандаш ни разу не дрогнул в его пальцах. Он не загружал проводов телеграфа бесконечными депешами, как те, которые пишут и тогда, когда писать нечего, но каждое его сообщение, краткое, ясное, определенное, всегда освещало какой-нибудь важный вопрос. Не было чуждо ему и чувство юмора.

Геден Спилет тоже участвовал во всех боях, всегда был на передовых позициях с револьвером в одной руке, с записной книжкой в другой, и под градом картечи карандаш не дрожал в его руке.

Именно он, после боя у Блэк-Ривер, чтобы не потерять место у окошечка телеграфа и первым сообщить в свою газету результат сражения, два часа подряд диктовал телеграфисту первые главы Библии. Это обошлось «Нью-Йорк Геральд» в две тысячи долларов.

Гедеону Спилету было не больше сорока лет. Это был высокий мужчина со светлыми, чуть-чуть рыжеватыми бакенбардами и спокойными, живыми, все замечающими глазами. Эти глаза принадлежали человеку, привыкшему сразу схватывать все детали окружающего.

Крепко сколоченный, он закалился благодаря пребыванию во всех климатах, как закаляется клинок от холодной воды. Уже десять лет Гедеон Спилет был официальным корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» и занимал его столбцы не только сообщениями, но и рисунками, ибо он владел карандашом не хуже, чем пером.

Перед тем как его взяли в плен, он был занят описанием и зарисовками боя Последняя запись в его блокноте гласила: «Один из южан прицелился в меня и промахнулся». Как всегда, Гедеон Спилет вышел из этого «дела» без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет, которые знали друг друга только по слухам, были доставлены в Ричмонд. Инженер быстро оправился от раны. Выздоровливая, он познакомился со Спилетом, и оба научились ценить друг друга. Их связало желание убежать из плена, присоединиться к армии Гранта.

Смит и Спилет решили воспользоваться первым удобным случаем. Хотя им и было разрешено свободно ходить по городу, бегство казалось невозможным: Ричмонд охранялся слишком строго. Спустя некоторое время к Сайресу Смиту пробрался один из его слуг, преданный ему всей душой. Этот смельчак был негр, родившийся в поместье родных инженера; его мать и отец были рабами, но Сайрес Смит, убежденный сторонник освобождения негров, уже давно дал ему вольную. Получив свободу, бывший раб не захотел расстаться со своим господином, готовый умереть за него. Это был парень лет тридцати, сильный, ловкий, проворный, спокойный, кроткий и сообразительный. Он отличался большой наивностью, услужливостью и добротой и постоянно улыбался. Звали его Навуходоносор, откликался же он на сокращенное Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин взят в плен, то, не колеблясь, покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и благодаря своей ловкости и хитрости сумел, неоднократно рискуя жизнью, проникнуть в осажденный город. Радость Сайреса Смита и восторг Наба, когда они увидели друг друга, не поддаются описанию.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выйти оттуда было труднее: пленников стерегли очень тщательно. Чтобы предпринять попытку к побегу с некоторой надеждой на успех, нужно было какое-нибудь исключительное обстоятельство. Но такого случая все не представлялось, а создать его было нелегко.

Между тем Грант энергично продолжал действовать. Победа при Питерсбурге обошлась ему дороговато. Соединившись с войсками генерала Батлера, он тем не менее не мог добиться под Ричмондом никаких результатов. Ничто не предвещало близкого освобождения пленников. Журналист, для профессии которого бездеятельная жизнь в Ричмонде не представляла ничего интересного, был вне себя. Его не оставляла одна мысль: выбраться из города любой ценой. Он даже совершил несколько попыток к побегу, но отступил перед непреодолимыми препятствиями.

Осада тем временем продолжалась, и если пленникам не терпелось выйти из города, чтобы присоединиться к войскам Гранта, то некоторые из осажденных тоже стремились покинуть Ричмонд и вступить в ряды Южной армии. В числе последних был некий Джонатан Форстер, явный сторонник сепаратистов^[6]. Южане, как и их пленники, не могли выбраться из города, который был обложен войсками. Губернатор Ричмонда уже долгое время не имел возможности

сноситься с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить последнему о положении дел, чтобы ускорить посылку войск на выручку осажденных. И вот Джонатану Форстеру пришла в голову мысль подняться на воздушном шаре, пролететь над войсками сепаратистов и достигнуть их лагеря. Губернатор дал разрешение реализовать эту попытку. Для Джонатана Форстера был приготовлен воздушный шар. Вместе с пятью спутниками Форстер должен был подняться в воздух. На случай длительного полета или столкновения с неприятелем при посадке членов экспедиции снабдили оружием и продовольствием.

Отлет шара был назначен на 18 марта. Он должен был произойти ночью, и при северо-восточном ветре средней силы воздухоплаватели могли рассчитывать через несколько часов достигнуть главного штаба генерала Ли.

Но этот ветер был не простой бриз. Уже 18-го стало ясно, что он превращается в бурю. Вскоре ураган настолько усилился, что отлет Форстера пришлось отложить. Невозможно было доверить разъяренной стихии воздушный шар и рисковать людьми.

Наполненный газом шар был привязан на центральной площади Ричмонда и мог быть пущен, лишь только ветер утихнет. Но, к великой досаде жителей города, состояние атмосферы оставалось все тем же.

18 и 19 марта погода не изменилась. Державшийся на канатах шар прибывало ветром к земле, и его трудно было сохранить в целости.

Прошла еще ночь. Утром 20-го числа ураган разбушевался еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к Сайресу Смиту подошел на улице человек, до тех пор не известный инженеру. Это был моряк по имени Пенкроф, мужчина лет тридцати пяти – сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами и приятным лицом. Пенкроф был уроженец Северной Америки. Он объехал все моря на свете и пережил все необычайные приключения, какие только могут выпасть на долю существа о двух ногах. Следует добавить, что это был человек весьма предприимчивый, готовый на любой риск и ничему не удивлявшийся. В начале года Пенкроф приехал в Ричмонд по делам вместе с пятнадцатилетним мальчиком, сыном своего капитана, Хербертом Брауном из Нью-Джерси, которого он любил, как родного сына. Не успев выехать до начала осады, они оказались запертыми в городе, к великому огорчению Пенкрофа, который думал лишь об одном – как убежать. Он слышал о Сайресе Смите и знал, как тяготится этот человек пленом. Поэтому Пенкроф, не колеблясь, обратился к Смиту и спросил его без дальнейших околичностей:

– Мистер Смит, вам не надоел Ричмонд? Инженер пристально посмотрел на человека, обратившегося к нему с таким вопросом. Пенкроф продолжал, понизив голос:

– Мистер Смит, хотите бежать отсюда?

– Когда? – быстро спросил инженер. Это слово вырвалось у него невольно: ведь он не успел даже разглядеть своего собеседника.

Но, всмотревшись проницательным взглядом в честное лицо моряка, Сайрес Смит не усомнился, что имеет дело с порядочным человеком.

– Кто вы? – кратко спросил он. Пенкроф сообщил о себе все необходимое.

– Хорошо, – сказал Сайрес Смит. – Каким же способом вы предлагаете мне бежать?

– На этом дурацком шаре, который болтается здесь без всякого проку. Он как будто только нас с вами и ждет...

Моряку незачем было продолжать. Инженер понял его с первого слова. Он схватил Пенкрофа за руку и повел его к себе.

Придя к Смиту, Пенкроф изложил свой план, оказавшийся очень простым. Чтобы выполнить его, требовалось одно – рискнуть жизнью. Правда, ураган бушевал вовсю, но такой

смелый и опытный инженер, как Сайрес Смит, наверное, сумеет справиться с аэростатом. Если бы он сам, Пенкроф, знал, как с ним обращаться, то, не колеблясь, пустился бы в путь, разумеется, не один, а с Гербертом. Он и не такие виды видывал, и бури его не пугают.

Сайрес Смит выслушал моряка, не проронив ни слова, но глаза его сверкали. Вот наконец удобный случай! Сайрес Смит не таков, чтобы упустить его. Затея Пенкрофа была очень опасна, но все же выполнима. Ночью нужно было обмануть бдительность стражи, пробраться к шару, залезть в корзину и обрезать канаты. Конечно, при этом рискуешь погибнуть, но, с другой стороны, есть и шансы на успех, и если бы не ураган. Но не будь урагана, шар бы уже улетел, и столь долгожданная возможность не представилась бы.

– Но я полечу не один, – добавил Сайрес Смит, заканчивая.

– Сколько же человек вы хотите взять с собой? – осведомился моряк.

– Двоих: моего друга Спилета и Наба, моего слугу.

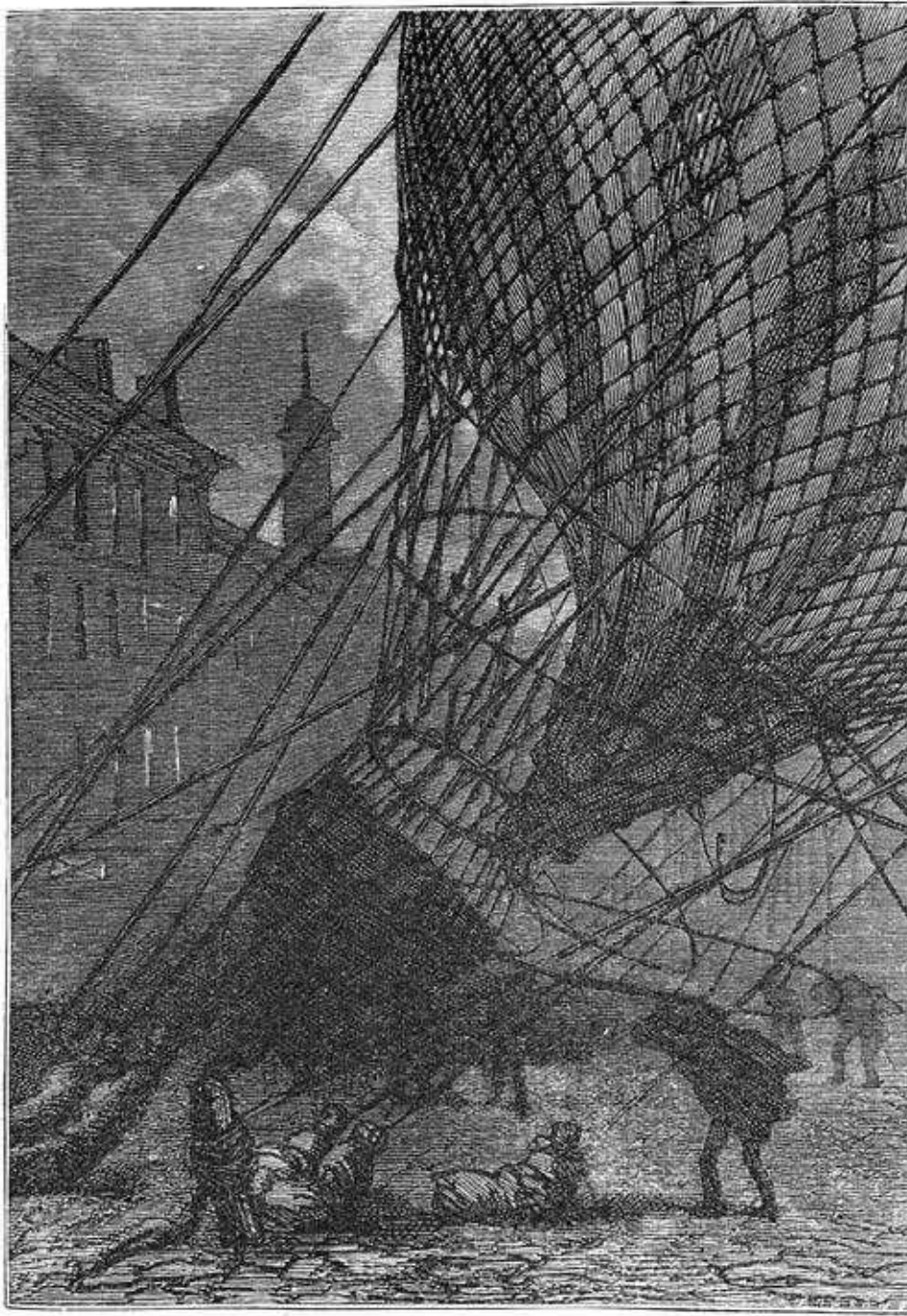
– Всего, значит, трое, а со мною и Гербертом – пятеро, – сказал Пенкроф. – Шар может поднять шесть человек.

– Прекрасно. Мы летим! – воскликнул Сайрес Смит. Это «мы» как бы обязывало и журналиста. А он был не таков, чтобы отступать перед опасностью, и, когда Сайрес Смит

рассказал ему о проекте, Спилет безоговорочно одобрил его. Он удивился лишь тому, что сам не додумался до такого простого способа бегства. Что же касается Наба, то он был готов следовать за своим господином куда угодно.

– Так, значит, до вечера, – сказал Пенкроф – Мы все будем слоняться где-нибудь около шара.

– До десяти вечера, – ответил Смит. – Только бы буря не утихла раньше, чем мы улетим!

Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик был осведомлен о плане моряка и не без волнения ожидал результата его беседы со Смитом. Пять человек, готовые отдаться воле смерчей и бурь, как мы видим, отличались достаточной смелостью. Нет! Ураган не успокоился, и Джонатану Форстеру с его спутниками не приходилось и мечтать о полете. Погода весь день была ужасная. Сейчас Смит боялся лишь одного: как бы шар, привязанный канатами и поминутно прибиваемый ветром к земле, не разорвало на куски. Целыми часами расхаживал инженер по почти опустевшей площади, наблюдая за аэростатом. Пенкроф был тут же; засунув руки в карманы и часто позевывая, он бродил вокруг шара, словно человек, не знающий, как убить время, и каждую минуту ожидал, что шар лопнет или, чего доброго, сорвется с привязи и исчезнет в воздухе. Наступил вечер. Стояла глубокая тьма Густой туман висел над самой землей. Шел

дождь, смешанный со снегом. Было холодно. Весь Ричмонд окутало туманом. Казалось, буря вынудила воюющих к перемирию, и пушки почтительно смолкли, внимая страшному реву урагана. Улицы города опустели. В такую погоду, видимо, не было даже нужды охранять площадь, над которой отчаянно бился аэростат. Все благоприятствовало отлету пленников. Но каково будет лететь среди бурь и шквалов?...

«Плохая погодка! – думал Пенкроф, ударом кулака нахлобучивая шляпу, которую ветер пытался сорвать с его головы. – Ну да ничего. Как-нибудь справимся».

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон пробирались на площадь. Освещавшие ее газовые фонари задуло ветром, и она была погружена в глубокую темноту. Не виден был даже огромный шар, почти вплотную прикрепленный к земле. Кроме мешков с балластом, привязанных к сетке, корзину удерживал толстый канат, продетый в железное кольцо, вделанное в землю, и прикрепленный к бортам. Пятеро пленников сошлись у корзины. Было так темно, что их не заметили, да и сами они едва видели друг друга.

Ни слова не говоря, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт усадились в корзину Пенкроф, по приказанию инженера, начал отвязывать мешки с балластом. Через несколько минут это было сделано, и моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь шар держался только на канате, и Сайресу Смиту оставалось отдать приказ к отлету. В эту минуту в корзину одним махом вскочила собака. Это был Топ, любимец инженера, который оборвал свою цепь и последовал за хозяином.

Сайрес Смит, боясь перегрузить шар, хотел прогнать бедное животное.

– Э, что там, возьмем еще пассажира! – сказал Пенкроф и выбросил два мешка с песком.

Потом он отрезал конец каната, и шар рванулся ввысь.

Ураган бушевал со страшной силой. В течение ночи инженер не мог и думать о спуске, а когда рассвело, земля была закрыта туманом. Лишь через пять дней он слегка рассеялся, и воздухоплаватели увидели под собой безбрежное море. Аэростат продолжал нестись по ветру со страшной скоростью.

Читатель уже знает, что четверо из его пяти пассажиров, вылетевших из Ричмонда 20 марта, были выброшены 24 марта на пустынный берег на расстоянии около семи тысяч миль от их родной страны.

Но кто же был исчезнувший пятый, на помощь которому устремились оставшиеся в живых? Это был инженер Сайрес Смит.

Пять часов вечера. – Пропавший. – Наб в отчаянии. – Поиски на севере. – Островок. – Тревожная ночь. – Туманное утро. – Наб кидается вплавь. – Земля в виду. – Вброд через пролив.

Инженер выпал из разорвавшейся сетки и был унесен волной. Его собака тоже исчезла. Верный пес бросился на помощь своему хозяину.

– Вперед! – воскликнул Гедеон Спилет.

И все четверо – Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, забыв усталость, устремились на поиски.

Бедный Наб плакал от ярости и горя, сознавая, что потерял единственного любимого человека.

Между исчезновением Сайреса Смита и высадкой его друзей прошло не более двух минут. Можно было рассчитывать, что его успеют еще спасти.

– Будем искать его! – воскликнул Наб.

– Да, Наб, и мы его найдем, – сказал Гедеон Спилет.

– Живого?

– Да, живого.

– Умеет он плавать? – спросил Пенкроф.

– Конечно, – ответил Наб. – К тому же с ним Топ.

Моряк, слыша страшный рев океана, только покачивал головой. Инженер исчез у северной части берега, примерно в полумиле от того места, где сошли на землю его спутники. Значит, если он достиг ближайшей оконечности суши, его следовало искать не дальше чем в полумиле.

Было около шести часов. Сгустился туман, и стало очень темно. Потерпевшие крушение направились к северу по западному берегу земли, на которую случай выбросил их. Эта земля была им неведома, и они не могли даже приблизительно определить ее географическое положение. Они шли по песчаной, усеянной камнями почве, по-видимому, лишенной всякой растительности. Покрытая неровностями и кочками, земля изобиловала мелкими рытвинами, которые очень затрудняли ходьбу. Из этих впадин поминутно выскакивали большие неуклюжие птицы, плохо видимые в темноте, и медленно разлетались в разные стороны. Другие, более проворные, вспархивали стаями и, точно облако, пролетали по небу. Пенкрофу казалось, что это чайки и поморники. Даже шум волн не мог заглушить пронзительных голосов этих птиц.

Время от времени Гедеон Спилет и его спутники останавливались и кричали, прислушиваясь, не раздастся ли ответный зов со стороны океана. Ведь если они находятся недалеко от того места, где инженер мог выйти на берег, то, не будучи даже в состоянии откликнуться, они услышат, наверное, лай Топа. Но никакого крика не было слышно сквозь шум волн и плеск прибоя. И маленький отряд снова двигался вперед, тщательно всматриваясь в каждый уголок побережья.

Прошагав минут двадцать, потерпевшие крушение внезапно увидели перед собой пенящиеся гребни волн. Твердая земля пропала. Гедеон Спилет и его спутники находились на оконечности острой, возвышающейся над океаном стрелки, о которую яростно бились огромные волны.

– Это скалистый мыс, – сказал Пенкроф. – Вернемся назад и будем держаться правой стороны. Тогда мы снова выйдем на материк.

– А вдруг он здесь? – сказал Наб, указывая на океан, покрытый белеющими во мраке барашками волн. – Крикнем еще раз!

И все четверо в один голос громко закричали. Но никто не ответил им. Выждав минуту, когда шум волн немного утих, они крикнули снова. Ответа не было.

Тогда они двинулись обратно, идя по противоположному склону утеса. Почва все еще была песчаная, усеянная камнями. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, и решил, что утес связан длинной полоской земли с возвышенным побережьем, очертания которого смутно виднелись во мраке. В этой части берега было куда меньше птиц. Море билось не так бурно и беспокойно, и можно было заметить, что волнение в этом месте значительно слабее. Плеск волн был едва слышен. Очевидно, скалистый мыс с этой стороны имел форму полукруглой бухты, и его возвышающаяся оконечность преграждала путь волнам океана. Но придерживаться прежнего направления – значило идти к югу, то есть в сторону, противоположную той, где мог выйти на землю Сайрес Смит. Пройдя еще полторы мили, путники не увидели ни одного изгиба дороги, позволяющего повернуть на север. Однако должен же этот мыс, конец которого они обогнули, быть связанным с материком! Пенкроф и его товарищи, невзирая на усталость, мужественно продолжали двигаться вперед, каждую минуту рассчитывая дойти до поворота, ведущего к северу.

Каково же было их разочарование, когда, пройдя около двух миль, они снова увидели перед собой море и оказались на довольно высоком мысе, покрытом скользкими скалами.

– Мы находимся на островке, – сказал Пенкроф – Мы прошли его из конца в конец.

Утверждение моряка было правильно. Воздухоплаватели были выброшены не на материк и даже не на остров, а на маленький островок протяжением в две мили, по-видимому, не особенно широкий.

Являлся ли этот бесплодный, усеянный камнями островок – пустынное убежище морских птиц – частью более значительного архипелага, этого нельзя было утверждать. Пассажиры воздушного шара, увидев из корзины сквозь туман полосу земли, не могли судить о том, насколько она обширна. Теперь же Пенкроф, который, как истый моряк, хорошо видел в темноте, смутно различал на западе очертания гористого берега. Царящий вокруг мрак не позволял определить, к какой системе островов – простой или сложной – принадлежит клочок земли, на котором находились Спилет и его спутники. Покинуть его было почти невозможно, так как он был окружен морем. Приходилось отложить поиски инженера до утра. К сожалению, ни одним звуком он не дал знать, где находится – Да, там была земля. А земля означала спасение, хотя бы ненадолго. Островок был отделен от берега проливом в полмили шириной, с чрезвычайно быстрым и шумным течением.

В это время один из потерпевших крушение, очевидно, внимая только голосу сердца, не посоветовавшись ни с кем из товарищей, бросился в воды пролива. Это был Наб. Ему не терпелось достигнуть берега и пройти по нему к северу. Никто не мог бы его удержать. Пенкроф позвал его, но напрасно. Гедеон Спилет собирался последовать за Набом.

Пенкроф, подойдя к нему, спросил:

– Вы намерены переплыть этот пролив?

– Да, – ответил Гедеон Спилет.

– Поверьте мне, с этим лучше подождать, – сказал моряк. – Наб и один сможет помочь своему хозяину. Если и мы поплывем по проливу, нас, пожалуй, унесет течением в открытый океан. Если я не ошибаюсь, это течение вызвано отливом. Смотрите, берег начинает выступать из воды. Потерпим немного, и, когда отлив кончится, мы, может быть, найдем брод.

– Вы правы, – ответил журналист. – Будем разлучаться как можно реже.

Между тем Наб плыл наискось, энергично борясь с течением. При каждом взмахе рук его черные плечи показывались над водой. Негра быстро относило в сторону, но он все же приближался к цели. На то, чтобы проплыть полмили, ему понадобилось больше тридцати

минут, и он подплыл к берегу в нескольких тысячах футов от того места, против которого бросился в воду.

Наб вышел на сушу у подножия высокой гранитной стены и энергично отряхнулся; потом он быстро побежал и исчез за утесом, который выступал в море примерно против северной оконечности островка.

Товарищи Наба с тревогой наблюдали за смелым негром. Когда Наб скрылся из виду, они обратили взоры на землю, у которой им придется просить приюта. Осматривая ее, они подкрепились несколькими раковинами, лежавшими в песке. Это все же была пища, хотя и скудная.

Противоположный берег имел вид обширной бухты, южная часть которой заканчивалась острым выступом, лишенным всякой растительности и казавшимся совершенно пустынным. Этот выступ соединялся с берегом прихотливо изрезанной полоской земли и примыкал к высоким гранитным утесам. На северной стороне бухта, наоборот, расширялась; берег, более закругленный по очертаниям, тянулся с юго-запада на северо-восток и заканчивался продолговатым мысом. Расстояние между этими двумя крайними точками, на которые опиралась дуга бухты, составляло около восьми миль. В полумиле от берега был расположен островок, похожий на сильно увеличенный остов какого-то огромного китообразного. Поперечник его в самом широком месте не превышал четверти мили.

Побережье против островка было покрыто песком и усеяно черноватыми скалами, которые в эту минуту вследствие отлива постепенно выступали из воды. На втором плане виднелось нечто вроде гранитного вала высотой не менее чем в триста футов, отвесные склоны которого венчал причудливой формы гребень. Этот вал тянулся на расстоянии трех миль и неожиданно обрывался с правой стороны, заканчиваясь срезанной гранью, которая казалась отесанной руками человека. Слева, над мысом, эта стена разветвлялась на множество призматической формы отрогов. Состоявшая из утесов и осыпавшихся камней, она постепенно снижалась, соединяясь продолговатой грядой со скалами южной стрелки. На верхнем плато берега не росло ни единого деревца. Это было обнаженное плоскогорье, вроде того, что возвышается над Капштадтом на мысе Доброй Надежды, но меньшее по своим размерам. Так, по крайней мере, казалось с островка. Зато справа и сзади срезанной грани вала виднелось достаточно зелени. Без труда можно было различить смутные очертания высоких деревьев, сливавшихся в необозримые леса. Эти зеленые заросли радовали глаз, утомленный резкими очертаниями гранитного вала. Наконец на самом заднем плане, выше плато, в северо-западном направлении на расстоянии не меньше семи миль ярко белела вершина, озаренная лучами солнца. Это была снеговая шапка, украшавшая далекую гору.